

И.Е. Денисов, Д.Л. Адамова

ФОРМУЛЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СИ ЦЗИНЬПИНА: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Внешняя политика Си Цзиньпина характеризуется как постепенным отходом в дипломатической практике от принципа Дэн Сяопина «*таогуан янхуэй*» (*скрывать свои возможности и держаться в тени*), так и сменой «языка дипломатии» — появлением новых концепций и терминов, которыми описываются реалии современного мира и действия Китая на международной арене. Некоторые привычные термины получают новое толкование, что не всегда замечается внешними наблюдателями. В статье в качестве примера рассматривается вопрос о содержании термина «рациональный» (*хэли*) в современном китайском внешнеполитическом дискурсе. Авторы приходят к выводу, что китайская трактовка рациональности имеет глубокие национальные корни. Выдвигая гипотезу о том, что это является свидетельством поиска Китаем собственной «большой стратегии», авторы обозначают ее основные черты и высказывают предложения об основных направлениях дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внешняя политика, дискурсивный анализ, рациональность, культура, стратегия.

Изучение внешнеполитического дискурса сегодня становится важным инструментом прикладного политического анализа. Объектом исследования могут выступать различные концептуальные доку-

менты (доктрины, концепции, стратегии и т. д.), а также речи и заявления официальных лиц, что «позволяет выявить как устойчивые структуры национального внешнеполитического дискурса по вопросам формирования международного порядка, так и динамику эволюции их восприятия»¹.

Для Китайской Народной Республики, в которой отсутствует практика публикации внешнеполитических документов доктринального характера², постоянный мониторинг употребления тех или иных терминов или оценочных выражений в заявлениях официальных лиц, документах органов власти и экспертных публикациях имеет важное прогностическое значение. Хотя, безусловно, этот метод не должен и не может быть единственным при изучении современной внешней политики Китая. Однако в условиях ее трансформации разумное применение дискурсивного анализа в состоянии дать много полезной информации к размышлению как теоретику, так и практику.

Отход китайской внешней политики от принципа Дэн Сяопина «таогуан янхуэй» (*скрывать свои возможности и держаться в тени*) знаменуется при Си Цзиньпине активным выдвижением различных концепций и внешнеполитических инициатив (от «одного пояса, одного пути» (一帶一路, *и дай и лу*) до строительства сообщества общей судьбы (命运共同体, *минюнь гунтунти*). Не будет преувеличением сказать, что Китай в немалой степени именно через язык формирует представление мира о себе и своей роли в международных делах, а также свое представление о мире. Не случайно в КНР сегодня, наряду с поиском новых драйверов экономического развития и наращиванием усилий по модернизации армии, так много внимания уделяется развитию «международной дискурсивной силы» (国际话语权, *гоцзи хуаюйцюань*)³. Самыми разными способами — через публикацию «белых книг», выступления лидеров на различных международных форумах, внешнеполитическую пропаганду и развитие научных и культурных обменов — Китай всё активнее пытается донести до международной аудитории свое видение глобальных проблем и запрос на реформу глобального управления.

Как представляется, в этой ситуации в качестве одного из полезных инструментов исследователи могут использовать сравнитель-

ный анализ параллельных текстов на китайском и иностранных языках. В основе этого вида дискурсивного анализа лежат ответы на две группы вопросов:

(1) как и почему те или иные зарубежные политические термины, отражающие оценки современной международной обстановки, переводятся на китайский язык в официальных документах;

(2) как и почему те или иные китайские реалии из сферы внешней политики получают устойчивый перевод на иностранные языки в официальных китайских публикациях.

Единым для двух данных подвидов анализа выступает обязательное определение исторической, политической и культурной обусловленности тех или иных переводческих решений, а также ответ на вопрос, как они вписываются в общую коммуникативную стратегию, реализуемую Китаем на международной арене.

Мы исходим из понимания того, что перевод в любом случае является не только лингвистическим, но и культурным, и (это, пожалуй, главное для изучаемой нами области) политико-идеологическим актом. Современные исследователи перевода Р. Альварез и М. Видаль по этому поводу отмечают: «Поскольку нам известно, что перевод не является лишь переходом от одного текста к другому, перемещением слов из одного контейнера в другой, а скорее является транспортировкой одной целой культуры в другую со всем, что это влечет за собой, мы осознаем, насколько важно понимание того, какая идеология лежит в основе перевода. Необходимо знать, что переводчик добавил, что он опустил, какие слова выбрал и как он расставил их. Ведь за каждым его выбором лежит добровольный акт, отражающий его историю и социально-политическую среду, которая окружает его, иными словами, отражающий его собственную культуру»⁴.

Дискурсивный анализ, к сожалению, редко встречается в работах, посвященных внешней политике КНР. В основном к нему прибегают исследователи в сфере китайских масс-медиа, где методы дискурсивного анализа оказываются эффективными и позволяют достичь значимых результатов⁵.

Непосредственный повод для написания настоящей статьи появился в результате наблюдения за переводами на китайский язык

российских официальных заявлений, сделанных в связи с вердиктом Постоянной палаты Третейского суда (ППТС) в Гааге по иску Филиппин к Китаю. Данный пример выбран нами лишь в качестве иллюстрации применения указанного подхода, но, как нам кажется, интерес представляют не только сама методика, но и полученные результаты, поскольку они позволяют уточнить позицию Пекина по важному для китайской внешней политики вопросу о территориальных спорах в Южно-Китайском море.

В январе 2013 г. Филиппины подали в международный арбитраж иск против Китая, в котором в числе прочего просили признать недействительной так называемую «девятипунктирную линию», определяющую границы территориальных притязаний Пекина. В иске также отмечалось, что действия КНР нарушают Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Китай отказался принимать участие в арбитражном разбирательстве и заранее заявил, что не признает его. 12 июля 2016 г. ППТС вынесла решение о том, что претензии Пекина на территории в Южно-Китайском море являются безосновательными. В решении суда также отмечалось, что спорные территории архипелага Спратли (Наньша) островами не являются и исключительную экономическую зону не образуют.

Россия неоднократно заявляла, что не является стороной конфликта в Южно-Китайском море (ЮКМ), не занимает в территориальных спорах позицию какой-то одной стороны и считает, что споры должны быть урегулированы путем проведения консультаций непосредственных участников на основе международного права.

После объявления решения суда официальный представитель МИД РФ Мария Захарова на брифинге 14 июля 2016 г. озвучила основные российские оценки ситуации в ЮКМ. Анализируя сообщения ведущих китайских СМИ об этом брифинге (были рассмотрены публикации «Жэньминь жибао», Информационного агентства «Синьхуа», Китайского агентства новостей, интернет-сайтов «Хуаньцюван» и «Цанькао сяоси»), авторы заметили следующее: в китайских переводах аутентично передано содержание заявления представителя российского МИДа, кроме одного случая, когда, на наш взгляд, в «Жэньминь жибао» и «Синьхуа» перевод был выполнен не вполне адекватно, а в отчетах остальных СМИ исследуемые

фрагменты отсутствовали вовсе. Речь идет о фрагментах следующих двух заключительных предложений из ответа М. Захаровой на вопрос по поводу решения ППТС:

«Высоко оцениваем роль Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в обеспечении верховенства права при осуществлении деятельности в Мировом океане. Кроме того, чрезвычайно важно, чтобы положения этого универсального международного договора применялись последовательно и таким образом, чтобы не ставить под угрозу целостность установленного Конвенцией правового режима»⁶.

С целью проведения анализа мы разделили это высказывание на четыре смысловых фрагмента:

1 — Россия дает высокую оценку роли Конвенции ООН по морскому праву;

2 — Конвенция обеспечивает верховенство права при осуществлении деятельности в Мировом океане;

3 — Положения этого универсального международного договора должны применяться последовательно;

4 — Применение Конвенции не должно ставить под угрозу целостность установленного Конвенцией правового режима;

В табл. 1 приведены данные о наличии данных фрагментов в выбранных нами для изучения китайских СМИ. На данном этапе нами не анализировалась аутентичность перевода на китайский язык, а проверялось лишь наличие или отсутствие фрагментов (обозначены знаками «+» — присутствует, «-» — отсутствует).

Таблица 1. Наличие смысловых фрагментов в сообщениях китайских СМИ о брифинге в МИД России⁷

Наименование СМИ	Номер смыслового фрагмента			
	1	2	3	4
«Жэньминь жибао»	-	-	+	+
ИА «Синьхуа»	+	+	+	+
Китайское агентство новостей	-	-	-	-
«Хуаньцюван»	+	+	-	-
«Цанькао сяоси»	-	-	-	-

Из данных табл. 1 можно сделать вывод, что китайские СМИ использовали выборочно данную часть заявления М. Захаровой, при этом заметно синхронное внимание двух ведущих государственных информационных органов («Жэньминь жибао» и «Синьхуа») к фрагментам 3 и 4. Как раз их не дали все остальные выбранные нами органы информации.

На втором этапе исследования были более подробно рассмотрены способы перевода этих фрагментов (3, 4). Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Передача смысловых фрагментов 3 и 4 в сообщениях «Жэньминь жибао» и Синьхуа в сравнении с исходным русским текстом

Исходный текст	«Жэньминь жибао»	«Синьхуа»
...чрезвычайно важно, чтобы положения этого универсального международного договора применялись последовательно и таким образом, чтобы не ставить под угрозу целостность установленного Конвенцией правового режима	Китайский текст	Китайский текст
	扎哈罗娃表示，俄方希望《联合国海洋法公约》得到合理利用，不至于使《公约》的完整性受到损害。	...希望公约得到合理利用，不至于使《公约》的完整性受到损害。
	Обратный перевод на русский язык	Обратный перевод на русский язык
	Захарова заявила: «Российская сторона надеется на то, что Конвенция ООН по морскому праву будет применяться рационально и таким образом, чтобы не ставить под угрозу целостность Конвенции	..надеюсь, что Конвенция будет применяться рационально и таким образом, чтобы не ставить под угрозу целостность Конвенции

Принципиально важным нам кажется появление в двух китайских сообщениях слова 合理 (*хэли*) — **рационально**, которым передана идея российского заявления о том, что применение Конвенции должно быть последовательным, то есть — без изъятий, без изменений в зависимости от желания того или иного субъекта, без приспособления к конкретной политической ситуации. Иное применение как раз и будет ставить под угрозу целостность Конвенции,

ее универсальный характер, необходимость сохранения которого как раз неоднократно подчеркивалось российской стороной. Между тем ясно, что рациональное толкование правовой нормы не эквивалентно ее последовательному применению, поскольку первое дает субъекту международного права большую свободу маневра, возможность сверять свои действия не с теми или иными действующими международно-правовыми режимами, а прежде всего с собственными интересами и своим пониманием текущей ситуации. Именно с таким пониманием часто связаны озабоченности других мировых игроков, когда они говорят об эрозии системы международного права.

Наша гипотеза заключается в том, что в данном случае речь идет не о переводческой ошибке, а о сознательном выборе лексической единицы, совсем не эквивалентной термину из исходного заявления, но близкой к китайскому пониманию ситуации, отражающему представление Китая о применении Конвенции ООН по морскому праву и в целом его отношение к международно-правовым режимам.

Приведем сначала лингвистические аргументы. Согласно «Китайско-русскому словарю», изданному под редакцией профессора Ся Чжунъи в 1990 г., слово 合理 (*хэли*) имеет следующие значения: разумный, рациональный, справедливый, законный, логичный⁸. В более новом справочном пособии и на данный момент одним из наиболее авторитетных китайско-русских словарей (Большой китайско-русский словарь под ред. Гу Боляня) для слова *хэли* приводятся следующие значения: разумный, рациональный, справедливый, законный, логичный, логический⁹. Отсутствие среди значений *хэли* чего-то, хотя бы отдаленно напоминающего смысл слов «последовательный», «последовательно», подтверждается и авторитетными онлайн-словарями — в 大 БКРС (URL: <https://bkrs.info/>) — рациональный, разумный; логичный, закономерный; целесообразный¹⁰, в ZDIC (URL: <http://www.zdic.net>) — rational, reasonable, fair, equitable¹¹.

Уместно привести и аргументы, связанные с особенностями работы китайских СМИ. Сложно предположить, что два журналиста из ведущих официальных СМИ могли бы допустить одну и ту же

ошибку. Кроме того, сама тема и момент публикации весьма чувствительны: сообщения увидели свет сразу же после объявления решения арбитража в Гааге, в котором Китай не участвовал, которое не признал и которое резко критиковал. Поэтому крайне маловероятно, что слово с совсем иным семантическим значением, и главное — формирующее иной дискурс, в такой ситуации было выбрано наобум.

Заметим, что выявление таких «якорных слов» — индикаторов ключевых подходов государства к внешней политике — это важная часть анализа официальных китайских документов. Мы продемонстрировали лишь один из способов их обнаружения — через сопоставление текстов на китайском и иностранных языках, описывающих одно и то же событие, излагающих одни и те же заявления и т. д. Важная часть анализа внешнеполитического дискурса — наблюдение за использованием терминов в более широком контексте, поскольку в любом случае выводы не могут базироваться лишь на узком круге документов.

Наш анализ китайских официальных заявлений выявил, что термин *хэли* довольно часто используется, в основном для обозначения подходов Китая к современному миропорядку и возможностям его реформирования. Если раньше в китайских официальных документах встречались упоминания о «новом международном порядке» (国际新秩序, *гоцзи синь чжисюй*) или «новом международном политическом и экономическом порядке» (国际政治经济新秩序, *гоцзи чжэнчжи цзинци синь чжисюй*), то сейчас прочно утвердилась формула «более справедливый и рациональный новый международный порядок» (更加公正合理的国际新秩序, *гэнцзя гунчжэн хэли дэ гоцзи синь чжисюй*)¹².

В данной формуле принципиально важным представляется два момента: во-первых, наличие у нового миропорядка ведущих качеств — *гунчжэн* (справедливости) и *хэли* (рациональности), и, во-вторых, акцент на необходимости последовательного усиления этих качеств, в чем и состоит одна из важных задач китайской внешней политики. Именно движение существующей международной системы в сторону большей «справедливости» и «рациональности» и сформирует новый порядок, причем, как постоянно подчеркивается

китайским руководством, этот процесс предполагает реформирование существующего порядка, а не разрушение старого. Поэтому вместо глагола «строить, создавать» (建立, *цзяньли*) во внешнеполитическом дискурсе при Си Цзиньпине прочно утвердился глагол «формировать» (塑造, *суцзао*)¹³.

Само понятие «старый порядок» незаметно исчезло из китайского политического лексикона, что, по нашему мнению, отражает серьезный отход от прежних концепций, которые постулировали, что новый международный порядок может быть построен исключительно на основе пяти принципов мирного существования, путем «коренного изменения сущностных характеристик старого порядка», «ликвидации социальной базы, на которую опираются гегемонизм и политика с позиции силы»¹⁴.

Внешнюю политику Си Цзиньпина можно рассматривать не просто как отход от концепции «*таогуан янхуэй*» Дэн Сяопина, но и как полный разрыв с традициями и менталитетом «революционной дипломатии», с которой курс Дэн Сяопин был тесно связан, по крайней мере, на риторическом уровне. Здесь, как представляется, лежит коренное отличие двух внешнеполитических парадигм — при Дэн Сяопине (и во многом при Цзян Цзэмине и Ху Цзиньтао) Китай не проводил активной внешней политики, но тем не менее в определенной степени сохранял классовую риторику, конечно, на деле не собираясь подрывать социальную базу «гегемонизма». Если раньше жесткость на словах часто оборачивалось мягкостью на деле, то переход к проактивной внешней политике при «пятом поколении» руководителей риторический разрыв сократил, но не ликвидировал полностью. Если при прошлых руководителях достаточно жесткая риторика компенсировала слабость политики и стремление «оставаться в тени» в глобальных делах, то сейчас, скорее, происходит обратное — риторика призвана сгладить опасения, существующие в разных странах мира в связи с повышением роли Китая в международных делах. Выход на первый план в дискуссиях о глобальном управлении и новом мировом порядке глагола «формировать» (塑造) здесь весьма показателен, ведь иероглиф 塑 (*су*) имеет значения «мягкий, гибкий, способный произвольно изменять форму».

В современном китайском внешнеполитическом дискурсе мы сталкиваемся с парадоксальной вещью — совершенно очевидные активные действия Китая (практическое продвижение инициативы «Пояса и пути», создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, строительство искусственных островов в Южно-Китайском море для усиления своих стратегических позиций в этом регионе, растущий вклад в миротворческие операции ООН) не описываются столь же четко и ясно в официальных документах. В них по-прежнему много общих и необязательных слов. Многие зарубежные исследователи, так или иначе, отмечают, что китайские внешнеполитические концепции страдают неопределенностью, размытостью и неконкретностью. Показательный пример — история с инициативой «Одного пояса, одного пути», которую, согласно официальным указаниям, в публикациях на английском языке запрещено называть «стратегией», «проектом», «программой» или «повесткой» (strategy, project, program, agenda)¹⁵.

«Стратегическая неопределенность», которая чувствуется в официальном дискурсе, скорее всего, определяется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что внешняя политика Китая находится в процессе трансформации и отхода от прежней парадигмы Дэн Сяопина; во-вторых, усиливающейся неопределенностью внешней среды. В такой обстановке намеренная туманность формулировок становится основой гибкой политики, точно так же, как в бизнесе неполнота коммерческого контракта является оптимальным выбором в случае, если по некоторым параметрам невозможно достаточно точно проконтролировать соблюдение его положений¹⁶.

С этой точки зрения, расширительная трактовка «последовательного» применения международного права как «рационального» вполне укладывается в логику китайской внешней политики. Кроме того, справедливость (*гунчжэн*) и рациональность (*хэли*), как было показано выше, являются двумя важными параметрами миропорядка и процесса его реформирования. Заметим, что при сохранении риторики о «мирном пути развития Китая» ни мир (*хэпин*), ни стабильность (*вэньдин*) в эту формулу не попали, и видимо как раз потому, что в этих двух случаях гораздо менее вероятны гибкие и расширительные толкования.

Мы приходим к выводу, что справедливость и рациональность неслучайно одновременно присутствуют в китайской концепции идеального миропорядка. При этом трактовка «рациональности», похоже, наиболее близка к пониманию справедливого порядка в рамках традиционного китайского судопроизводства.

В древнем Китае *ли* (理) было названием судей, в системе Танской бюрократии велика была роль Приказа Великой справедливости (大理寺, *Далисы*), который «ведал решением судебных дел и точным определением наказаний»¹⁷. *Далисы* просуществовал до последних лет династии Цин, и лишь в 1906 г. был преобразован в Верховную судебную палату (大理院, *Далиюань*). В таком виде судебный орган сохранился и после образования Китайской Республики и лишь в 1927 г. был преобразован в Верховный суд.

Классический принцип отправления судопроизводства, который пережил различные династии и смену политических режимов, включает себя понятие *хэли*. Трехединая формула — 合情, 合理, 合法 *хэцин, хэли, хэфа* — судить в соответствии с обстоятельствами (чувствами), рациональными принципами, законом — как раз и определяет, что исторически для китайского судьи нормативное понимание права не было главным и определяющим. Ведущую роль играли моральные нормы, конфуцианские представления о гармонии и справедливости в отношениях между людьми, стремление подчинить жизнь китайского социума рациональному началу.

Исследователи китайского права отмечают, что и в современном правоприменении рациональный подход — *хэли* (разрешение споров на основе моральных принципов или принципов целесообразности) порой еще преобладает над строгим следованием юридическим нормам. Так анализ использования формулировки «*хэли*» при рассмотрении китайскими судами споров экономических субъектов показал, что судьи охотно используют термин для того, чтобы оправдать гибкий подход к следованию букве закона и к соблюдению условий контракта в обстоятельствах, когда нормативно-правовая и экономическая среда испытывают глубокие и быстрые изменения¹⁸.

Как отмечает М. Тимотео, китайской судебной системой выработана собственная герменевтическая линия, в которой формули-

ровка *хэли* используется в качестве общего шаблона для приспособления статутных норм к конкретным обстоятельствам и для нахождения баланса интересов, прав и обязанностей¹⁹.

Выводы

Мы полагаем, что использование понятия *хэли* в современном внешнеполитическом дискурсе КНР преследует примерно те же цели, что и в современном китайском судопроизводстве. Дело в том, что логика действий Пекина как раз и состоит в приспособлении норм и правил к противоречивой и быстро меняющейся обстановке, к обстоятельствам, в которых происходит становление Китая как глобальной державы. Поэтому замена «последовательного» на «рациональный» в переводе российского заявления по ЮКМ, по нашему мнению, не является случайным, а отражает стремление китайского руководства к реформированию системы современного миропорядка на некоей скорректированной основе, в которой международные нормы толкуются в духе нравственного подхода к праву, когда помимо писаных норм существует и высшее идеальное начало. В современной китайской концепции это отражается в понятии *гунчжэн* (справедливость). Использование терминологии, имеющей глубокие национальные корни, на наш взгляд, говорит о том, что Китай активно осмысливает свою роль в мире и находится в процессе выработки собственной «большой стратегии».

Открытым остается вопрос, насколько глубоким может быть распространение принципов *хэли* и *гунчжэн* на отношения Китая и мира. Пока, как мы видим, Китай высказывается и действует в соответствии с собственными принципами и представлениями о справедливости лишь в тех сферах, где затрагиваются его наиболее важные национальные интересы. Неясен и результат реформирования миропорядка — будет ли означать большая рациональность системы международных отношений (в китайском понимании) меньшую нормативность или Китай, по мере того, как будет брать на себя всё большую глобальную ответственность, станет уделять повышенное внимание тому, чтобы его интересы были более гармонично и эффективно согласованы с интересами других мировых игроков.

Анализ китайских намерений осложняется уже обозначенной нами размытостью концепций, а также пестротой и разнонаправ-

ленностью взглядов китайского экспертного сообщества, и в то же время сдержанностью и кажущейся консервативностью высказываний высшего руководства. Поэтому в исследованиях по внешней политике Китая, на наш взгляд, следует больше внимания уделять расшифровке «неясных понятий», поскольку чаще всего (как показано в данной статье на примере *хэли*) они не являются нейтральными и подчиняются общей логике китайской внешней политики. Прикладные исследования по узким темам (межгосударственные отношения, роль Китая в международных организациях и других многосторонних форматах, участие КНР в решении глобальных проблем, экономическая дипломатия) следует сочетать с теоретическими работами о будущей глобальной роли Китая. Основываясь на тематике настоящей статьи, можем предложить в качестве перспективной темы для углубленных исследований следующий вопрос: насколько дальнейший выход внешней политики Китая из тени будет сопровождаться усилением специфических китайских элементов в его стратегии, и не приведет ли это к тому, что существующие теории международных отношений, возникшие в другой парадигме, будут неспособны полностью объяснить и достоверно предсказать китайское поведение?

При анализе современной внешней политики Китая, на наш взгляд, необходимо избегать того, что некоторые эксперты справедливо называют «синологической ловушкой». В сфере исследований постоянно усложняющейся китайской реальности следует избегать узости взгляда, полностью и некритически принимая китайские интерпретации. Необходимо «применять к китайской ситуации общие концепции, методы и теории сравнительной политологии или других системных дисциплин»²⁰.

«Идеология Си Цзиньпина — это идеология превращения Китая из большого государства в сильное, это идеология трансфера глобальной власти»²¹. Дипломатия Си Цзиньпина носит «транзитный» характер, символизирующий рост глобальных амбиций Китая. Тем важнее, на наш взгляд, отслеживать малейшие изменения во внешнеполитическом дискурсе, за которым могут последовать определенные новации в дипломатической практике.

Примечания

¹ *Истомин И.А.* Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5(50). С. 21.

² *Денисов И.Е.* Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 43.

³ *Ван Шучэн.* Чжэнцзюй гоцзи хуаюйцюань ши вомэнь чжэ и дай мэйтижэнь дэ шимин : [Бороться за международную дискурсивную силу — миссия работников СМИ нашего поколения] // Жэньминь жибао. 29.12.2016.

⁴ *Alvarez R. M., Carmen Africa Vidal.* Translating: A Political Act // Roman Alvarez & M. Carmen Africa Vidal (eds.). Translation, Power Subversion. Clevedon: Multilingual Matters Ltd. 1996. P. 5.

⁵ *Ng S. H., Ye J., Lee C. C.* Media Discourse on Globalization in China: A Social—Psychological Analysis // Journal of Language and Social Psychology. 2011. V. 30. № 2. P. 139—157; *Lee C. C.* Bound to rise: Chinese media discourses on the new global order // Reorienting global communication: Indian and Chinese media beyond borders. 2010. P. 260—283; *Lee C. C.* China as a rising world power: Chinese press discourses // Chinese Journal of Communication. 2012. V. 5. № 1. P. 38—42; *Callahan W. A.* Dreaming as a critical discourse of national belonging: China Dream, American Dream and world dream // Nations and Nationalism. 2017. V. 23. № 2. P. 248—270; *Alvaro J. J.* Political discourse in China's English language press // World Englishes. 2013. V. 32. № 2. P. 147—168.

⁶ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой. Москва. 14 июля 2016 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации 14.07.2016. URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2354135?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU

⁷ Таблицы 1 и 2 составлены авторами на основании следующих источников: Э вайцзяобу хуюй наньхай вэньти гэ сянгунь фан чжанькай чжицзе дуйхуа : [МИД России призвал соответствующие стороны в проблеме Южно-Китайского моря к проведению прямого диалога] // Жэньминь жибао. 16.07.2016; Э вайцзяобу хуюй наньхай вэньти гэ сянгунь фан чжанькай чжицзе дуйхуа : [МИД России призвал соответствующие стороны в проблеме Южно-Китайского моря к проведению прямого диалога]. URL: http://news.xinhuanet.com/2016-07/15/c_1119225244.htm; Э чэн наньхай сянгунь фан ин чжицзе таньпань. Фэйдицюй лиян бу ин цзеху : [Россия заявила, что соответствующие стороны в Южно-Китайском море должны вести прямые переговоры, а внерегиональные силы не должны вмешиваться]. URL: <http://www.chinanews.com/gj/2016/07-15/7939738.shtml>; Э вайцзяобу э буши наньхай линту чжэндунань цаньюйфан : [МИД России: Россия не является участником территориальных споров в Южно-Китайском море]. URL: <http://>

/world.huanqiu.com/exclusive/2016-07/9177112.html; Э мэй элосы фаньдуй юйвай шили ганьюй наньхай вэньти : [Российские СМИ: Россия против вмешательства внерегиональных сил в проблему Южно-Китайского моря]. URL: <http://www.caokaixiaoxi.com/china/20160716/1232859.shtml>

⁸ Хань Э Цидянь : [Китайско-русский словарь]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 1990. С. 353.

⁹ Хань Э Да Цыдянь : [Большой китайско-русский словарь]. Шанхай: Шанхай вайюй цзяюй чубаньшэ, 2009. С. 835.

¹⁰ URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%90%88%E7%90%86>

¹¹ URL: <http://www.zdic.net/c/8/145/317337.htm>

¹² *Ян Цзечи*. Чжань цзай лиши синь цидянь шан дэ чжунго вайцзяо — Цзай 21 шици лишихуэй бэйцзин хуэйи шан дэ яньцзын : [*Ян Цзечи*. На новом историческом рубеже китайской дипломатии — Речь на пекинской конференции Совета 21 века]. URL: <http://www.mfa.gov.cn/chn//pds/ziliao/zyjh/t1095281.htm> Суцзао гэнцзя гунчжэн хэли дэ гоцзи синь чжисюй : [Формировать более справедливый и рациональный международный порядок] // Жэньминь жибао 04.05.2017.

¹³ Си Цзиньпин чжучи чжаокай гоцзя аньцюань гунцзо цзотаньхуэй : [Си Цзиньпин председательствовал на рабочем совещании по вопросам государственной безопасности] // Жэньминь жибао. 18.02.2017.

¹⁴ *У Ханьхуэй, Сой Шифу, Чэнь Сюхуа*. Дэн Сяопин лилунь хэ сань гэ дайбяо чжунъюа сысян гайлунь : [Теория Дэн Сяопина и важная идея «трех представительств». Введение] // Цинхуа дасюэ чубаньшэ. 2004. С. 154.

¹⁵ Гоцзя фачжань гайгэ вэй дэн югуань бумэнь гуифань «и дай и лу» чжун ин вэнь ифа : [Госкомитет по развитию и реформе и другие соответствующие ведомства регламентировали перевод «Одного пояса и одного пути» с китайского на английский язык]. URL: http://xbkfs.ndrc.gov.cn/gzdt/201509/t20150921_751694.html

¹⁶ *Bernheim B. D., Whinston M. D.* Incomplete contracts and strategic ambiguity // *American Economic Review*. 1998. P. 902—932.

¹⁷ *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Ч. I. Генезис и структура. СПб., 2009. С. 319.

¹⁸ *Timoteo M.* Vague Notions in Chinese Contract Law: The Case of Heli // *Eur. Rev. Private L.* 2010. V. 18. P. 944.

¹⁹ *Op. cit.* P. 948.

²⁰ *Heilmann S.* (ed.) *China's Political System*. Mercator Institute for China Studies (MERICS). — Rowman & Littlefield, 2017. P. 36.

²¹ *Денисов И.Е.* Об основах сицзиньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 115.